

Светланов возвращается в Госоркестр

Культура —
1999 — 30 дек. —
с. 10

С протянутой рукой дружбы

Фото Н. ПЛОТИНОВОЙ

В минувший понедельник в зале коллегий Министерства культуры министр в присутствии Евгения Федоровича Светланова, меньшинства коллектива и прессы погасил конфликт в Госоркестре в пять минут — ну не в пять, так в тридцать пять. Было сказано, что Евгений Федорович готов взять на себя ответственность за судьбу Госоркестра, предлагает столь убедительную программу устройства этой судьбы, что не поверить в нее невозможно, пересматривает свои зарубежные планы на предмет высвобождения времени для работы с родным коллективом и вообще идет в Госоркестр «с протянутой рукой дружбы». В.Егоров также зачитал свой приказ, утверждающий те положения в уставе Госоркестра, против которых и выступали активно недовольные, скажем так, члены коллектива. Всю полноту власти в оркестре получает художественный руководитель — главный дирижер, которого назначает и освобождают от должности, строя свои с ним отношения на контрактной основе, учредитель, то есть Министерство культуры.

Евгений Федорович сбивчиво объяснял, почему сорвались те или иные гастролы, сулил хорошие перспективы, призывал к миру и труду. Вообще речь его — хоть он и заметил, что, если большинство коллектива указало бы ему на дверь, уже одно лишь самодовольствие не позволило бы ему навязывать свою персону, — оставила ощущение, будто сыр-бор все последнее время горел только из-за того, что ему предлагали, а он никак не брал на себя ответственность за судьбу Госоркестра. Попытка сопротивления, предпринятая «активно недовольным» председателем профкома оркестра А.Мещериновым, была подавлена. Министр не стал отвечать на его вопросы и вместе с Евгением Федоровичем покинул зал. Обращение коллектива к премьер-министру В.Путину председатель зачитал уже на опустевшем поле проигранного сражения. А кулак, показанный после драки, как известно, не производит сильного впечатления.

Трудно не задаться вопросом, почему столь быстро и легко разрешаемому конфликту было позволено так затянуться. Ведь, судя

по всему, речь шла о той же программе, которую Светланов предлагал еще в мае. Впрочем, судить то как раз было особенно не по чему. Осталась программа прежней или претерпела какие-то изменения и чем она так убедила министра спустя полгода с тех пор, как он с ней ознакомился, осталось неясным. Программу на том основании, что не присутствовало большинство коллектива, не одобряли. (Наказав таким образом тех музыкантов, что на встречу пришли).

Неясного вообще было довольно много. Например, каковы будут условия контракта, который министерство намерено заключить с художественным руководителем. Контракт до сих пор не разработан. Эффект неясности создавало и то, что министр и Евгений Федорович не всегда говорили в унисон, а иной раз и противоречили самим себе. Министр, как бы объясняя причину столь долгого своего молчания, сказал, что не хотел говорить с коллективом в отсутствие Светланова. (Зато большинства коллектива он так и не дождался — потерпев неудачу с первого захода, во второй удвоился меньшинством). А Евгений Федорович вопрошал музыкантов: почему вы ни разу не пришли ко мне, я был доступен. Евгений Федорович сокрушался: знаю, у нас наихудшее положение среди всех государственных симфонических оркестров. А министр подчеркивал: Госоркестр находится пусть в минимально, но привилегированном положении. Евгений Федорович уповал на то, что правительство и Президент не дадут пропасть Госоркестру. А министр, обещая помощь в организации гастрольно-концертной деятельности (мало у него других забот!), поминал о том, что проблемой выживания вообще-то должна заниматься административно-менеджерская группа. Так что вид протянутой руки, видимо, ему приятен будет не всегда...

В этой истории нет без вины виноватых и все вызывают сочувствие. Жаль, что псадобился бунт оркестра, чтобы Евгений Федорович осознал, что на нем лежит ответственность за судьбу его коллектива. Но чисто по-человечески жаль и его самого. Он слишком много труда и души вложил в этот

оркестр — его обида более чем объяснима. То, что он не умеет выпрашивать деньги и не любит ухаживать за спонсорами, конечно, «неправильно» и несовременно, но ведь положительно характеризует его как личность. Будь он другим, может быть, и музыку бы творил другую.

Министр культуры России виноват уже потому, что он министр культуры в России. Нет денег, нет контракта с худруком, нет простора для принятия решений. Пытался он договориться с оркестром, и к мнению директора прислушивался, и письмо нелицеприятное Светланову писал, и еще кое-какие тщательно сохраняемые в тайне попытки найти выход из кризиса предпринимались... Едва ли министр культуры так же свято верит обещаниям правительства, как Евгений Федорович, но подчиняться ему он все равно обязан.

Директору — помимо того, что неплохо бы, конечно, в самом деле научиться добывать деньги — и его соратникам не помешало бы умение просчитывать ситуацию. Невооруженному глазу было видно, как они гордились тем, что на общем собрании коллектива большинство проголосовало против встречи с министром. Первая встреча сорвалась. Зато на второй отсутствие большинства было использовано как раз против них самих. Но, если допустить, что они изначально стремились не удовлетворить свои амбиции, но поправить положение дел в коллективе, они тоже заслуживают участия.

Большинство трудно приветствовать из-за равнодушия к собственной судьбе. Но понять можно. Во-первых, они все работают на двух-трех работах — им некогда с министром встречаться. Во-вторых, одно дело — голосовать и совсем другое — по-настоящему за светиться. Кто бы ни пришел в оркестр, большинство из него уходит не собирается...

Остается надеяться на то, что программа, предложенная Евгением Федоровичем, действительно хорошо продумана и будет работать. Тогда, может быть, и в самом деле старый конфликт не потянется из старого года в новый?

Наталья ШАДРИНА